

Картина жива своим пространством

Эрик Булатов

Первое впечатление от картин Пузенкова – их декоративность. Как правило, два либо контрастных, либо, наоборот, очень сближенных цвета создают интенсивный декоративный эффект. Черный контур, всегда обводящий избранные предметы, его усиливает. Этот эффект воспринимается мгновенно, но он не держит нашего внимания и можно пройти дальше, считая, что все ясно. Однако что-то зацепляет нас в этих простых картинах и задерживает, не отпускает, хотя непонятно, что может удержать внимание, когда все очевидно с первого взгляда.

По-видимому, тут не так все просто. Попробуем разобраться, в чем дело. Сначала, разумеется, мы смотрим, что на картине изображено, что за предметы, что они значат и т.д. Но тут нам далеко не продвинуться. Все изображение – сплошная цитата, либо фрагменты известных картин, либо фотографии. Причем художник их не пытается интерпретировать. Тут нет авторской рефлексии: цитата воспроизводится при помощи компьютерной техники, т.е. подчеркнуто отстраненно, незаинтересованно.

А что же еще там есть?

Но позвольте, ведь предметные изображения присутствуют не на всех картинах Пузенкова. Иногда это просто вертикальные разноцветные полосы. Как с ними быть?

В сущности, это двухцветные полосы или даже несколько вертикальных полос одинаковой ширины, где через одну повторяется полоса одного и того же локального цвета (скажем синего), а между ними полосы того же цвета, но не вполне локального, а как бы что-то через эти полосы просвечивает, постепенно проступает, как сквозь толщу воды, какое-то движение, что-то там всплывает, шевелится, живет в глубине. Оказывается, мы уже там, в каком-то ином пространстве, а те синие, локально окрашенные полосы остались вне поля нашего внимания, как бы не в фокусе зрения, слишком близко, может быть, даже за нашей спиной, в прошлом. Оказывается, эта простая картина живет не только в пространстве, но и во времени. Причем мы можем воспринять картину в обратном пространстве, т.е. полосы сложного синего цвета мы можем воспринимать как предметную поверхность с какими-то включениями, а локальные синие – как глубину, ну, скажем, неба, и тогда мы будем погружаться в эту глубину, а предметные вертикали останутся не в фокусе. Важно, что мы не можем фокусировать свое внимание сразу на обеих полосах. Вот этот эффект и составляет основу пространственной жизни картины.

Это уже не цитата – это собственное пространство картины Пузенкова. Так же живет оно и в его фигуративных картинах. Основу его составляет возможность нашего собственного движения, погружения в глубину картины, при том, что какой-то элемент картины обязательно остается как бы у нас за спиной – это те ворота, через которые мы вошли.

Это дыхание пространства, его потаенная тихая жизнь и есть жизнь картины и ее настоящая музыка, разумеется, для тех, кто способен ее слышать.

Природа картины (я имею в виду не только картину Пузенкова, но картину вообще, картину как таковую) – двойная. Это и потенциальное

пространство, и предметная поверхность, на которую можно положить краску, нарисовать, наклеить что-нибудь и т.д.

Так вот, я думаю, что в последнее время слишком преувеличено значение картины как поверхности, а пространственность картины оказалась без внимания, и даже почти забыта. Пузенков показывает, что, как бы ни была активна, даже агрессивна поверхность картины, именно пространство составляет основу ее жизни, ее дыхания, что пространство картины – это ее легкие.

И я считаю, что это сообщение очень важно, особенно сейчас, когда столько говорят о том, что картина бесперспективна, что она умерла. На самом деле отношение к картине как к предметной поверхности означает рассечение ее пополам и рассматривание одной половины (причем не главной) как целого – вот что смертоносно для картины. Картина – это пространство не в меньшей, а даже в большей степени, чем предмет.

С картинной поверхностью, по-видимому, действительно сделано все, что только возможно: нарисовано, наклеено, пристроено, разрезано, снова зашито – хватит уже. Дело не в том, чтобы придумать еще что-нибудь, дело в пространстве. Картина жива своим пространством. Что и доказывают нам картины Георгия Пузенкова.

Париж, 7 марта 1995